

ПАМЯТЬ О ГУЛАГЕ

№29
апрель
2017

На Вятке

Хотелось бы всех поименно назвать, да отняли список, и негде узнать.

Анна Ахматова

vozhnpr-kirov.ru

Печатный орган Вятской региональной общественной организации жертв незаконных политических репрессий (ВО ЖНПР)

ВЯТСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЖЕРТВ НЕЗАКОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Председателю
Конституционного Суда РФ
В.Д. Зорькину
Председателю
Верховного Суда РФ
В.М. Лебедеву

Уважаемые Валерий
Дмитриевич и Вячеслав
Михайлович!

Ваши Определения соответственно от 01.12. 2005 №462-О и от 31 мая 2006 по делу №88-ГО6-5 нанесли незаслуженный вред реабилитации жертв политических репрессий. Ваши Определения позволили во многих регионах РФ в нарушение требований статей 52, 53, части 2 статьи 55, частей 1,2 статьи 15 Конституции РФ, а также Федерального Закона от 22.08.2004 №122-ФЗ в части требований преамбулы и части 2 статьи 153 лишить репрессированных не только части льгот, а также и надежд на справедливые решения в судах субъектов РФ. А именно: льгот по статье 16 Закона РФ от 18.10.1991 №1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» в редакции

до вышеуказанного Закона №122-ФЗ.

С этими Определениями, позволившими нарушить права репрессированных на льготы, установленные в России за вред, нанесённый государством, репрессированные никогда не согласятся. Согласно части 2 статьи Конституции РФ каждый, а значит и репрессированные вправе защищать свои права, т. е. иметь мнение, суждение по основаниям, послужившим для вынесения этих Определений. Так называемые «основания» позволяют сомневаться в независимости судей и согласиться с мнением от 31.08. 2009 судьи КС РФ В.Г. Ярославцева, что судебная власть в России ... превратилась в инструмент на службе исполнительной власти. Так вышеуказанное Определение ВС РФ не выдерживает никакой критики, т.к. целиком «шито белыми нитками». Основания для такого суждения

приведены в прикладываемой газете в статье «Бесконечная борьба с властью за права репрессированных». Лишение льгот репрессированных – это не что иное как наказание, т.е. репрессии.

Уважаемые Судьи!

Репрессировать репрессированных в наше время это не слишком ли круто даже для такого демократического государства, как Россия?

Репрессированные убедительно предлагают Вам, чтобы сохранить авторитет судопроизводства в России, пересмотреть свои Определения согласно «вновь открывшимся обстоятельствам».

Приложение. 28 номер газеты «Память о ГУЛАГе на Вятке»

**О ПОРУЧЕНИИ
РЕПРЕССИРОВАННЫХ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ
ВО ЖНПР М.МАГДЕЕВ**

СТРОГО СЕКРЕТНО
Список копий воспроизводится
Вс. №122-ФЗ
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.
(Пост. ПБ от 5 мая 27 г. по. №100-р-8)
20.11.581.

ШИФРОВКА

ИРКУТСКА отправлена 15-54 26.11 1938 г. Поступила в ЦК ВКП
и расшифровка 26.11 1938 г. ч. 19 м. - Вс. № 472/Ш

МОСКВА ЦК ВКП(б) тов.СТАЛИНУ.
Н К В Д тов.ЕЗОВУ.

Ввиду значительной засоренности области право-троцкистскими
ган-монгольскими и кулацко-белогвардейскими элементами, подпадаю-
щими под первую категорию, просим ЦК ВКП(б) разрешить дополнитель-
ный лимит по первой категории для Иркутской области 4 тысячи.

И.О. СЕКРЕТАРЯ ИРКУТСКОГО ОБКОМА ВКП(б) ФИЛИППОВ.
НАЧАЛЬНИК ОКВАД ПО ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ МАЛЫШЕВ.
М. Михайлов
И. Цыфрат 34.

26.11 1938 г. ч. 19 м. 20 Напечатано 4 стр. Паршин.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ИНСТРУКЦИИ

Комментарий к шифровке

Для сведения: дополнительный лимит по первой категории – безусловный расстрел, дополнительно к предыдущему плану, 4-х тысяч безвинных людей. Шифровка – просьба местных негодяев к генеральному для того, чтобы выслужиться, подстраховаться – уберечь свои жизни за счёт вымышленных «элементов». Подписи членов волчьей стаи – согласие на умерщвление 4-х тысяч в основном мужчин, после чего осталось примерно столько же вдов и большое количество детей без отцов. Это разве не оголтелый фашизм?!

ПИСЬМО В ПРАВИТЕЛЬСТВО КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

И.О. заместителя Председателя
Правительства области,
Министра внутренней
и информационной политики
Кировской области В.А. Бекетову

**Уважаемый
Владимир Андреевич!**

На Ваш исх. № 1868-06-25 от 06.03.2017 – на проведённые расчёты на бесплатный проезд общественным транспортом репрессированным сообщаем следующее.

1. По введению бесплатного проезда в ж/д транспорте пригородного сообщения.

Предоставляем извлечение из справки министерства социального развития (МСР) КО от 13.03.2017г. №539-46-05 по факту использования репрессированными бесплатного проезда, без каких-либо условий, с 2010 по 2014 гг. *Смотри таблицу 1.*

Для анализа берём наиболее «острый» период – 2013г. Количество чел. пусть остаётся расчётным – 1230, тогда на 1чел. в год приходилось бы 9,4 поездки, т.е. в месяц 0,78 поездки, а не 10 по представленным расчётам. Большое количество городов и районов, включая такие как Кирово-Чепецк, Слободской не имеют ж/д сообщения, а также в сады ездят только летом. Можно ожидать повышение ж/д тарифов, но с другой стороны кол-во репрессированных со смертностью убывает, а здоровье снижается. Средний возраст репрессированных 81 год – жизненный ресурс исчерпан. Расходы на год на проезд в э/поездах можно не сомневаться **будут в пределах 1 млн. руб., но не 15, 5 млн. руб.**

2. По введению бесплатного проезда:

таблица 1.

	2010г.	2011г.	2012г.	2013г.	2014г.
Кол-во поездок	6636	6849	10666	11579	7237
Сумма (руб.)	481 868	500 835	872 123	1 178 469	1 009 399,6

а) в автомобильном и электрифицированном транспорте городского сообщения,

б) в автомобильном транспорте пригородного сообщения.

По городскому сообщению считается, что реально 2 поездки (туда и обратно) в месяц, т.к. магазины рядом, по Вашей скорректированной методике расчёта – $968 \times 22 \times 2 \times 12 = 511$ тыс. руб. за минусом на «льготы» 127 чел

– 15,2 тыс.руб. потребуется дополнительно **496 тыс.руб.**

По пригородному сообщению, включая маршруты Киров – Кирово-Чепецк, Слободское и т.д. – соглашаемся с 3 поездками в месяц (3 стр. 1 и 2 абзац) т.е. $2369 - 93,3 = 2275,7$ тыс.руб.

Итого для введения услуг по 1 и 2 пунктам потребуется дополнительно **не более 3,8 млн. руб.** – небольшая часть из обещанных дополни-

тельно 20 февраля т.г. Губернатором И.В. Васильевым **20 млн. руб.**

Репрессированные убедительно просят новую администрацию, навести порядок – прекратить прежние ложь и сутяжничество по отношению к репрессированным.

**С ИСКРЕННИМ УВАЖЕНИЕМ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ПРАВЛЕНИЯ МАГДЕЕВ М.Х.**

Информация по стране и области

За последние несколько лет в нашей стране были приняты определённые меры по увековечению памяти жертв политических репрессий:

1. Принята от 15.08.2015 №1561-р «Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий».

2. Президентом РФ В.В. Путиным в 2015г. был подписан указ о возведении Мемориала в память о жертвах политических репрессий. Автор проекта «Стена скорби», победившего на конкурсе Музея истории ГУЛАГа, — скульптор Георгий Франгулян. Мемориал будет установлен в г. Москве на пересечении проспекта Сахарова и Садового кольца. Открытие памятника планируется на 30 октября 2017 г. – День памяти жертв политических репрессий.

3. Принят Федеральный закон от 9.03. 2016 №61-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с увековечением

памяти жертв политических репрессий», **который наделил органы власти правом осуществлять меры по увековечению памяти жертв политических репрессий, а также по поддержке деятельности организаций и граждан в указанной сфере.**

20 февраля т.г. в правительстве Кировской области состоялась встреча Губернатора И.В. Васильева с председателем Вятской региональной общественной организации жертв незаконных политических репрессий (ВО ЖНПР) М.Х. Магдеевым. Были рассмотрены вопросы восстановления законных прав репрессированных на бесплатный проезд на э/поездах, на общественном транспорте в пределах центра проживания и в пригородном сообщении. Принято решение на продолжение работы в этом направлении. Во встрече приняли участие и.о. заместители Председателя Правительства области В.А. Бекетов,

Д.А. Курдюмов, и.о. министры А.В. Черняев, О.Ю. Шулятьева.

Письмом Правительства КО от 06.03. 2017 №1868-06-25 за подписью и.о. заместителя Правительства области В.А. Бекетова в адрес Магдеева подтверждено право жертв политических репрессий на внеочередное оказание медицинской помощи на территории Кировской области.

В рамках постановления Правительства Кировской области от 06.06.2013 № 211/333 « О дополнительном льготном лекарственном обеспечении жителей отдельных муниципальных образований Кировской области, страдающих определёнными заболеваниями системы кровообращения (гипертоническая болезнь, ишемическая болезнь сердца и сочетание данных позологий), за счёт средств областного бюджета при условии частичной оплаты их стоимости в размере 10% за счёт средств гражд-

дан» (далее – «пилотный» проект). По состоянию на 01.01.2017 в «пилотном» проекте участвуют 13 муниципальных образований: Белохолуницкий, Вятскополянский, Кикнурский, Котельничский, Омутнинский, Оричевский, Санчурский, Слободской, Советский, Яранский районы, города Слободской, Котельнич и Вятские Поляны. Лица, признанные в установленном порядке жертвами политических репрессий, проживающие на территории вышеуказанных муниципальных образований, и имеющие ту или иную патологию системы кровообращения, в рамках которой осуществляется обеспечение льготными медикаментами, имеют право на данный вид региональной льготы. Для включения в регистр пациентов, нуждающихся в участии в «пилотном» проекте, пациенту необходимо обратиться к врачу первичного звена (врачу – терапевту участковому, врачу общей практики/семейному врачу)

Трагические судьбы советских крымских немцев

Продолжение. Начало в номере 28.

Конечно, сама она от недоедания страдала еще больше нас – она кормила нас, отдавая нам все до последней крошки, а про себя говорила, что она уже поела. Мы хорошо запомнили ее отечные в глубоких язвах ноги, – приходя с работы, она тщательно промывала эти страшные язвы в тазике марганцовкой и перевязывала. Втянутые грубые рубцы и темные пигментные пятна на ее голенях остались на всю жизнь. Тогда мы еще не знали, что она, ежедневно спасая нас, сама была на грани гибели – ее заболевание – сложный порок сердца, как следствие перенесенного в детстве ревматизма, на фоне хронического недоедания стало катастрофически проявляться. Теперь, оценивая ее состояние уже с врачебных позиций, я предполагаю, что ее отечные ноги, одышка при ходьбе, синюшность губ, были ярким и грозным проявлением сердечной недостаточности. А ведь тогда ей не было еще и сорока лет. Какие-то высшие силы сохранили нашу маму, и мы не стали сиротами. То, что она пережила в те годы, глядя на нас, – ее моральные страдания – описать невозможно. Ее материнский подвиг мы осознали намного позже, когда сами уже стали родителями.

Еще помнятся весенние походы на колхозные поля – мы с братом и мама (сестра Вера была еще слишком мала) – копаем сырую, только что оттаявшую землю. На улице холодно, дует пронизывающий ветер, ноги вязнут в липкой грязи; – как драгоценность кладем мы в корзинку мороженую картошку. Конечно, это уже не картошка, а то, что от нее осталось после замораживания и оттаивания. Иногда это была просто слизистая гомогенная масса, но мы бережно берем все. Таких как мы, на поле много, а удача найти хоть что-то не всегда улыбалась нам. Дома все это добро тщательно промывалось водой, убиралась кожура и картофельная масса выкладывалась на сковороду. Мама тщательно следила за тем, чтобы эта картошка хорошо прожаривалась, поэтому чаще всего она делала из этой картофельной массы небольшие лепешки, а затем прожаривала их с двух сторон. Этот «деликатес» мы так и называли: «лепешки из гнилой картошки». Зима было для нас самое тяжелое время: кроме недоедания еще и холод был постоянным нашим спутником тех лет. С наступлением холодов из дому не выходили – никакой теплой одежды у нас не было; спали все вместе, прижавшись друг к другу, накрытые разным тряпьем. Зато летом мы оживали – с появлением первых проталин, на своих ослабших от долгой бескормицы ногах, тянулись все на улицу – куда-нибудь в закуток, где припекало солнце – грелись, подставляя свои бледные лица живительному теплу. Голова кружилась, от цинги кровоточили десна. Но вот появилась первая растительность – «подножный корм» – и мы спасены. Еще и травы-то почти не видно, а Юра уже тащит откуда-то

Строительство железной дороги на Воркуту и моста через реку Северную Двину.

целый ворох крапивы. Крапива – это наше спасение. Ее и варили, и тушили, и жарили. Иногда мама готовила «мясной» суп из крапивы – это, когда ей удавалось где-то достать говяжьи кости. Конечно, даже намек на мясо там не было, но если кости кипятить достаточно долго, то постепенно вываривается костный жир и кастрюля начинает источать «мясной» аромат – вот в таком бульоне крапива была самой вкусной. Потом появлялся луговой лук, щавель, лебеда, а чуть позже и другая земляная снедь – съедобные корешки и «пучки» – сладкие сочные стебли зонтичных растений, еще позже – в конце лета и осенью – грибы и ягоды. Память моя отпечатала детские впечатления в основном негативного плана. Об этом писать трудно, слова не доносят пережитых ощущений, сжимают горло такие воспоминания. Понять может только тот, кто сам пережил все это – голодное детство, холод и унижительную нищету. Впрочем, это даже было еще и не детство, а всего лишь младенчество, когда при счастливых обстоятельствах не остается никаких воспоминаний; они появляются позже, когда пробуждается сознание и способность хотя бы к примитивному анализу. У меня в отрывочных картинах того раннего детства всегда всплывает зимний холод, мучительное чувство голода и образ матери, которую мы очень ждали. Таким было наше «утро дней».

О трудармии папа не любил рассказывать – в детстве мы знали только, что он все военные годы был на строительстве железной дороги. Позже, когда я уже был студентом, он, уступая моим просьбам, иногда рассказывал о некоторых эпизодах своей трудармейской жизни. С 1942 года и до конца войны он был на строительстве железной дороги на Воркуту и моста через реку Северную Двину. Это был настоящий концлагерь. Но об этом – немного позже и сколько можно подробно.

Новое место жительства наше запомнилось мне уже лучше, хотя и тут

кое-что выветрилось из моего детского сознания и память моя в значительной степени дополнена сведениями, почерпнутыми из позднейших разговоров с родителями, соседями (свидетелями нашего детства) и особенно из рассказов старшего брата Юры. Определили нас на поселение совсем за городом, километрах в пяти от той маленькой железнодорожной станции, где мы жили в начале. Здесь начинался смешанный северный лес – настоящая тайга. Испытанием, осложнявшим нам жизнь в этой глуши, особенно в первые годы, было обилие комаров и мошек. В этой глуши их было еще больше, чем на прежнем месте жительства. Всю кровососущую тварь мы называли одним словом – гнус; он изматывал, не давал нормально выспаться, лез во все щели, мешал жить. Местность эта была изрыта рядом длинных карьеров, шириной до девяти – десяти метров, разделенных узкими полосками суши, поросшими травой и мелким кустарником. В длину они тянулись до трех – четырех километров и окаймлялись густым лесом. Во время войны отсюда брали грунт для железнодорожных насыпей, когда строили мост и железную дорогу на Воркуту. В дальнейшем карьеры эти были местом нашего постоянного отдыха и развлечений. Летом было раздолье для детворы – вода теплая, чистая; глубина редко доходила до полутора метров, берега пологие и песчаное дно. Осенью, когда появлялся лед, катались на коньках, играли в хоккей. Коньки, у кого они были, крепили веревками к валенкам, а у кого их не было – бегали по льду просто в обуви. Водилась здесь и рыбка, правда, только одна разновидность; мы ее называли линек – небольших размеров – от малька до двадцати сантиметров, серенькая, как пескарь, но объемнее его и с черной спинкой. Вдоль карьеров была грунтовая дорога, которая огибала их и уходила в лес. С другой стороны этой дороги, на маленькой возвышенности стояло несколько небольших частных домишек, расположенных в один ряд. Это ма-

ленькое поселение называлось «Бор». Не деревня, не поселок – просто Бор. Так и о нас позже говорили: «Они живут на Бору». Сразу за этими домами была низинка, по которой протекал довольно широкий ручей. Через ручей были проложены бревна, а дальше опять – небольшое возвышение, сплошь заросшее бурьяном. Когда-то здесь было подсобное хозяйство, а может быть, это было даже отделение не крупного совхоза. Хозяйство, видимо, ликвидировали; все, что имело какую-то ценность – вывезли. Осталось несколько полуразвалившихся барачков, в которых раньше содержали скотину. Была также «вахта» – небольшое строение в виде квадратной бревенчатой будки у самой дороги. Здесь же у дороги остались покосившиеся столбы от входных ворот, но ворот не было. Наиболее сохранившееся строение – вахта – была уже занята семьей, высланной из западной Украины. Во время войны они проживали на оккупированной территории. Фамилия их была Шопины. Как звали взрослых, память не сохранила, а вот дети их – Колька и Мишка запомнились хорошо. Колька был уже большой – ему было около десяти лет, а Мишка лет на пять младше его. Семья эта жила в крайней нищете. Мать работала уборщицей в какой-то конторе, а отец – пожилой человек – часто болел, кашлял и, видимо, постоянной работы не имел – периодически где-то подрабатывал сторожем. Их дети были полностью предоставлены самим себе, бродяжничали, подворывали и побирались где-то в окрестностях ссыльного города. Колька курил, как взрослый, при родителях, а маленький Мишка покуривал тайком, но уже в первом классе он был заядлым курильщиком. Иногда их задерживала милиция, но затем они вновь появлялись в наших краях. Вечерами они приносили домой в засаленных сумках через плечо свою добычу – куски хлеба, картошку и другие овощи – на это скудное подаяние семья жила иногда неделями. Голодали страшно. Был еще один сохранившийся небольшой барак, видимо, бывшая контора или что-то в этом роде. Он тоже был не для нас – за месяц до нашего приезда, его уже заняла немецкая семья – Гринвальды – такие же ссыльные, как и мы. Их семья состояла из четырех человек: отец – Эдуард Филиппович немец, бывший трудармеец, мать украинка. В 1930 году семья Гринвальдов была раскулачена и выслана из Саратовской области на Север. Глава семьи Филипп Гринвальд, как и наш дед, был осужден по 58-10 статье. В 1937 году его вместе с братом Петром Гринвальдом расстреляли. Таким образом, сосед наш Эдуард Филиппович 16-ти летним подростком оказался под Котласом. До войны был на спецпоселении в Красноборском районе, а во время войны – в трудармии, на строительстве моста через Северную Двину. После освобождения – снова спецпоселение.

Продолжение на стр 4.

Трагические судьбы советских крымских немцев

Продолжение.

Так судьба свела наши семьи на Бору. Работал он в домостроительном комбинате рабочим. Их сын Эдик был на один год младше меня, а маленькой дочке Женечке было еще меньше двух лет. Девочка была удивительно красивым ребенком. Она утонула в двух- или трехлетнем возрасте во дворе своего дома, перевернувшись через борт металлической бочки с водой. Это несчастье было тяжелым потрясением не только для их семьи, но и для всего нашего поселения.

Для нас остались бараки – полуразвалившиеся коровники, совершенно непригодные для жилья – без окон и дверей. Полы частично сохранились, но были так избиты копытами коров и пропитаны навозом, что их сразу пришлось разбирать и вытаскивать из барака. В дальнейшем мы их использовали на дрова.

Из трех оставшихся бараков, один все же был более сохранным – он не покосился, стены его были ровными, и стоял он ближе других к дороге, на возвышении. Два других были не только не пригодны для проживания, но и опасны – могли рассыпаться в любой момент. Заваленные на одну сторону, они поддерживались только толстыми деревянными столбами-подпорками. Нам, детям, строго запрещалось к ним подходить. Судьба одного из них была предрешена, когда двое из нашей дворовой компании все же забрались на крышу этого барака. Проказников сняли с крыши при помощи лестницы, а строение тут же развалили, сдернув веревками подпоры. В дальнейшем он так же был распилен на дрова. Второй кособокий барак, наоборот, хорошо укрепили дополнительными подпорами, залатали, как смогли, крышу и он служил нам еще несколько лет в качестве стаек для домашней скотины; здесь же хранили сено и веники, заготавливаемые для коз и кроликов на зиму.

Но это было позже, когда мы уже полностью обосновались на новом месте, а пока у нас не было никакой живности. Избранный для жилья барак был хоть и довольно объемным, но все-таки маловат для проживания трех семей. Кроме нас, здесь же должны были разместиться еще две семьи. Одна семья – прибалтийские немцы – запомнилась мне плохо, потому что были они нашими соседями не долго. Глава семьи до войны работал судовым механиком, поэтому их вскоре перевели в поселок Лименда вблизи Северной Двины, где был большой судоремонтный завод. Там требовались специалисты по ремонту судового оборудования. Кстати сказать, этот довольно большой поселок был местом постоянной ссылки еще со времен раскулачивания, а после войны пополнился трудармейцами. Здесь проживали многие десятки, если не сотни немецких семей. Вторая семья – Эпп – молодожены. Оба красивые молодые люди. Он выше среднего роста, атлет с копной черных кудрявых волос. Она совсем юная, хрупкая, белокурая. Вместе они составляли идеальный пару. У них был грудной ребенок. Звали мальчика Виктором. В раннем детстве Витя тяжело болел – наши родители принимали деятельное участие в его выздоровлении консультировались с врачами лазарета, че-

рез этих же врачей добывали очень дефицитные в то время антибиотики. Позже появился и второй ребенок – Гриша. Роды принимал наш папа. Гриша знал об этом и всегда относился к нашему отцу с особым почтением. Затем родилась у них долгожданная дочь Светлана, которая вскоре стала любимицей всего нашего маленького поселения. Глава семьи – дядя Эрнст (так мы его всегда звали) был из крымских немцев-колонистов, земляк нашего отца; даже из одного Симферопольского района. До высылки из Крыма они не были знакомы, а трудармия свела их судьбы. Он был одним из тех, кому наш отец, работая в лазарете, помог выжить. В дальнейшем с этой семьей нас связывала тесная дружба, почти родственные отношения. Был довольно продолжительный период времени – около трех месяцев, когда мы, дети, остались совершенно одни. Родители наши одновременно оказались в больнице – болели клещевым энцефалитом в крайне тяжелой форме – оба долгое время находились между жизнью и смертью в глубоком коматозном состоянии. Заботу о нас взял на себя дядя Эрнст – он заменил нам в это время и отца и мать – опекал нас, как самый родной человек. Со своей будущей женой – тетей Люсей – дядя Эрнст познакомился уже после войны в Котласе. Их репатриировали из Германии в Котлас – мать с тремя дочерьми – Шуклис тетя Герт, дочери – Лилия, Фрида и Нелли. «Вина» их состояла не только в том, что они немцы, но еще и в том, что они были в оккупации. Типичная история советских немцев, компактно проживавших на Украине – с началом войны оказались на оккупированной территории – в 1943 году все их немецкое поселение в качестве так называемых «Volksdeutsche» (этнических немцев) было вывезено немецкими оккупационными войсками вначале в Польшу, а затем в Германию. Вывезли насильно, уезжать из родных мест никто не хотел, а сопротивляться было бесполезно, да и смертельно опасно. После окончания войны они были отправлены в Советский Союз. Домой поехали добровольно и с радостью, потому что советские политработники обещали вернуть их в родные края на Житомирщину. Это был наглый обман – как только пересекли границу, двери вагонов заперли снаружи,

вежливые разговоры прекратились, выходить из вагонов без разрешения охраны стало нельзя, продукты перестали выдавать. Мимо Украины проехали быстро, почти без остановок, а затем еще долго тащились через всю страну на север. Так попали они в спецпоселение Лименда под Котласом. Там разместили их в тесном и гнилом бараке вместе с такими же репатриантами, как и они. Сразу же поставили на спецучет под надзор коменданта, без права выезда за пределы поселка. Вскоре старшая восемнадцатилетняя дочь стала женой дяди Эрнста. В страшные трудармейские годы дядя Эрнст едва не умер от истощения, пережил столько горя, унижений, что хватило бы на несколько жизней. Тяжелейшие невзгоды не надломили этого мужественного человека – незлобивость, расположение к людям, любовь к душевным разговорам, преданность семейному очагу – вот самые характерные черты доброй его природы. Кстати, высокие человеческие достоинства наблюдались у большинства наших соседей из стана «врагов народа» – бывших трудармейцев.

Для меня и брата Юры дядя Эрнст был тем единственным человеком, который сумел донести до пробуждающегося детского сознания первые крупинки правды о нашей общей судьбе. Папа, к сожалению, в то время нам ничего не рассказывал. Может быть, это была осторожность – такое время было – поощрялись донос и предательство, (мы же учились в советской школе, где Павлик Морозов, предавший своего отца, считался героем) а, скорее всего, он не хотел отравлять наши детские души. Дядя Эрнст тоже крайне редко говорил о жизни в трудармии – эта тема долгие годы была запретной в нашей среде. Но когда он бывал в хорошем настроении, умел рассказать о тяжелейших жизненных ситуациях совершенно непринужденно и даже с юмором. Мы и воспринимали тогда эти его рассказы, как веселые приключения. Подрастая, мы эти «приключения» переосмысливали. О добывании дополнительного пропитания в первую, самую тяжелую трудармейскую зиму 1942 года он рассказывал, посмеиваясь и отпуская шуточки по поводу «лопухов»-охранников и «огрбленных» сторожевых собак. Рядом с бараком, в котором жили трудармейцы (позже я

подробнее расскажу об условиях проживания в этих бараках-овощехранилищах) был высокий забор с колючей проволокой. В нескольких метрах от этого забора, ближе к баракам, была натянута стальная проволока. На ночь на определенных участках вдоль забора циркулировали овчарки, закрепленные цепью со скользящими карабинами к этой проволоке. Собаки получали пищевое довольствие, как и солдаты охраны. Кормили их полноценно, намного лучше, чем трудармейцев. Выставляя сторожевых псов на ночное дежурство, их обязательно поздно вечером кормили прямо на посту. Вохровец приносил котелок с подогретой кашей, ставил его перед собакой и быстро убежал в теплое караульное помещение. Ушлые ребята-трудармейцы соорудили длинный шест с крючком на конце и, притаившись за углом барака, ждали, когда охранник скроется в служебном помещении. Затем очень проворно подтягивали к себе этот котелок с кашей из под носа собаки. Быстро опорожняли его в свою посуду и тут же пустой котелок ловко подбрасывали обратно к собаке – на прежнее место. Вся «операция» занимала одну-две минуты. Порой удавалось получить до полутора-двух килограмм полноценной пищи – каша всегда была сдобрена маслом, иногда (если сильно повезет) – попадалась и куски мяса. А то, что эта пища от собаки, – об этом даже не думали – сильный голод напрочь устраняет чувство брезгливости, да и служебная собака – животное чистое. Главное в этом «деле» – подтащить полный котелок так, чтоб не расплескать, не перевернуть. Съедали тут же, не доходя до барака – ложки всегда были при себе. Вспоминаю о колоссальной завывленности среди трудармейцев, дядя Эрнст рассказывал «верное средство», которым они пользовались, уничтожая вшей. В погожий зимний день, когда на улице не очень морозно, три человека выходили на чистый снег, утаптывали его, делая небольшую площадку. Затем один из них снимал нателенную рубашку и отдавал ее товарищам держать «в натяжку», а сам выметал метлой с этой рубашки вшей. Потом такую же процедуру проделывали и для двух других. Белая снежная площадка быстро превращалась в серую копошащуюся массу, от которой нужно было вовремя отойти, чтобы эти жизнестойкие паразиты не успели облепить обувь. Но я забегая несколько вперед. Вернемся к началу. О возведении нашего «нового» жилья больше помню по рассказам родителей и старшего брата Юры – он тогда уже мог активно что-то делать, а мы с сестрой больше путались под ногами, чем помогали. Работали все дружно, приходили помогать люди из других поселений, которые сами уже успели хоть как-то обосноваться. Нужно было за одно лето сделать все – от пола до крыши. Вначале изнутри помещения выбрали землю и укрепили фундамент. Одновременно были вырыты ямы для хранения овощей – подполья. Затем настилали полы, делали перегородки, потолок. Крышу крыли новой, еще сыроватой, осиновою дранкой, которую привезли на телеге. Дранка была упакована в пачки по 10-15 штук и связана тонкой стальной проволокой. Терпкий запах этой дранки остался в памяти навсег-

да. Перегородками помещение было поделено на три секции – для каждой семьи секция. Потом эти перегородки были обиты длинными, тонкими рейками – обрешетка. С двух сторон эти перегородки штукатурились. Раствор из глины и песка месили в большом деревянном лотке. Его нужно было очень много – штукатурили не только перегородки, но и наружные стены барака. Мы, малыши, месили глину с песком – ходили по вязкой массе в этом широком лотке-корыте голыми ногами. Это так – баловства ради; а по настоящему замесы делали взрослые – совковыми лопатами. Работа эта тяжелая. Дети постарше подвозили тачкой песок с ближайшего карьера. Затем этот песок просеивали через металлическую сетку. Печки выкладывали тоже добровольные помощники из соседних поселений – хорошие печники. Когда штукатурка просохла, весь дом побелили. Было это уже осенью – в сухой погожий день. Теперь старого телятника было не узнать – стоял белоснежный красавец-дом с тремя трубами на крыше. Помнится, приходили соседи – старожилы этих мест и возторгались «новым» сооружением. С этого времени вся наша семья постоянно жила здесь. Через год из этого дома я пошел в школу в первый класс. Отсюда мы с братом уходили в армию – сначала он, а потом и я. Сестра Вера жила здесь до окончания средней школы, потом уехала поступать в институт и в дальнейшем навсегда обосновалась в Подмоскovie. Родители наши прожили в этом помещении до пенсии. Хорошо ли было наше новое жилище? Смотря с чем сравнивать. По сравнению с тем бараком на болоте, в котором мы встретили папу, это были почти хоромы. У нас было две комнаты и кухня. Первым помещением при входе с улицы, была прихожая, она же и кухня. Тут была печка с широким дымоходом, как стенка, и плита тоже большая, с конфорками. На плиту можно было поставить одновременно несколько кастрюль и даже бак для кипячения белья. В топку была вмонтирована духовка – предмет особой нашей гордости – не у всех наших соседей была такая роскошь. В духовке мы часто пекли картошку и другие овощи. Печку топили только сухими дровами.

Заготовка дров на зиму всегда была важнейшей заботой мужской половины нашей семьи. Отец выписывал в лесничестве какое-то количество кубометров древесины, затем дрова заготавливались в лесу и вывозились во двор дома – летом на широкой двухколесной тележке, а зимой на длинных металлических санях. На дрова чаще брали «сухостой» – засохшие на корню хвойные деревья. Чаще это были елки, реже – сосна. Из лиственных пород предпочтение отдавалось березе – сухие березовые дрова давали отменный жар, при значительно меньшем количестве сжигаемых поленьев. Уже во дворе дома их пилили, кололи и укладывали в продолговатые поленицы. За лето они хорошо просыхали и горели зимой, по меткому выражению папы, «как порох», надежно спасая нас от зимних холодов. Топором и пилой мы с братом выучились владеть еще в дошкольном возрасте. Кухня служила нам и столовой – здесь за широким кухонным столом в обычные дни мы завтракали, обедали и ужинали. Из кухни в обе комнаты мы входили через отдельные двери – проходных комнат не было. Центральная или «большая» комната

была для родителей. В ней была и основная наша мебель – шкаф, комод, тумбочка с книгами и довольно большой стол, за которым мы по праздникам собирались всей семьей. Чаще всего, это были дни рождения; мы их всегда отмечали – именинник получал подарки. К такому дню мы всегда готовились, что-то мастерили, рисовали, клеили. Родители обычно дарили нам книги. «Маленькая» комната была действительно чуть меньше большой и была она занята нашими детскими кроватями. Тут же был стол, где мы делали уроки и две тумбочки для учебников. Столы, табуретки, тумбочки для книг и различные полки папа делал сам – они были крепкими, служили нам долгие годы. Вскоре, видимо через год после нашего новоселья, папа с улицы пристроил к нашим входным дверям довольно просторный коридор. Это был своеобразный барьер между жилым помещением и улицей. Особенно важно было это зимой – холод с улицы не проникал сразу в теплое жилое помещение. Кроме того, теперь мы могли раздеваться и оставлять уличную обувь и верхнюю одежду в этом коридоре. Здесь же хранили кое-какой скарб – санки, лыжи, стеклянные банки, бутылки, разные тряпки, мешки и т.п. В зимнее время это не отапливаемое помещение служило нам еще и холодильником – можно было хранить квашеную капусту, соленые грибы, мороженую рыбу; а позже, когда у нас появилась живность, здесь же в специальном настенном шкафу, сколоченном из досок, подвешивали тушки кроликов и другое мясо. Всегда по стенам коридора были развешаны пучки зрелого укропа с семенами; запах этого пряного растения у меня неразрывно связан с нашим жилищем. Некоторое время была проблема с питьевой водой. В первый год все лето и осень родители наши были заняты «возведением» жилья – до рытья колодца руки не дошли. Работу эту отложили до следующего лета, а потом – еще на год. Эти первые два года воду

для питья брали из колодца у соседей – это было довольно далеко – нужно было идти к старожилам Бора. До ближайшего дома по дороге было метров триста-четырееста. Ежедневно мы с братом преодолевали это расстояние с полными ведрами питьевой воды. Было это нелегко, особенно весной и осенью, когда грунтовая дорога «раскисала» и превращалась в сплошное месиво из глины. Но вот через пару лет появились наши новые соседи – они одновременно со строительством дома, обзаводились и ко-

лодцем. Это окончательно сняло проблему – до нового колодца было не более пятнадцати метров от нашего барака. Воды хватало всем. Новые соседи тоже были довольны – чем больше берут воды, тем она в колодце чище и свежее. Так «своего» колодца и не выкопали – отпала необходимость. Для хозяйственных нужд воду всегда брали из карьеров – и для полива огорода и для скота. Карьеры были рядом с домом. В подростковом возрасте мы с братом в летнее время любили ночевать на чердаке нашего дома. Еще с весны мы поднимали туда матрасы, постельное белье, одеяла; для холодных ночей был там объемный рыжий тулуп, которым можно было накрыться с ног до головы. Брали иногда с собой и сестренку. Часто, при широко открытой двери нашего чердака, мы подолгу всматривались в звездное небо, отыскивая большую и малую медведицу, полярную звезду, планеты. Юра живо интересовался вопросами астрономии, много читал об устройстве вселенной, с ним было интересно «путешествовать» по звездному небу. Иногда утром он будил меня, чтобы показать утреннюю зарю или белый, как молоко, туман. С высоты нашего дома хорошо были видны встающие с карьеров густые туманы, тянущиеся столбами вверх. Тогда издали лес за карьерами походил на огромное дымовое.

На всю жизнь с необычайной четкостью запечатлелись в моей памяти эти дивные картины – порой до посещения смотрели мы на них, а потом опять ныряли в теплую постель. Уборная была на улице – общая для всего дома. Ее сделали на опушке леса, перед зарослями низкорослой ольхи, еще раньше, чем само наше жилище. Это было прочное сооружение в виде продолговатой будки из толстых досок без щелей. Чтобы попасть в туалет, нужно было пройти метров тридцать прямо к лесу по хорошо утопанной, утрамбованной шлаком, тропинке. По дороге нужно было всегда покашлять или чем-нибудь погрометь. Если ответного сигнала не было – туалет свободен, в противном же случае нужно было поворачивать обратно к дому и ждать пока не хлопнет дверь туалета – это тоже был условный знак. Это место содержалось в идеальной чистоте – весной и осенью выгребная яма освобождалась и густо засыпалась хлорной известью. В первые годы это делали все взрослые мужчины нашего поселения, детей к такой работе не допускали. Позже, когда в нашем доме поселился ассенизатор дядя Коля

со своей женой Тamarой, стали приглашать «специалистов» этого профиля – они за какую-то мзду не только очищали туалет и увозили содержимое, но и хлорировали выгребную яму, пол и даже стенки туалета. Дядя Коля руководил работой; после окончания всех процедур, он же «сдавал» приведенный в порядок «объект» кому-нибудь из взрослых жильцов нашего дома. Ему же выдавалось и вознаграждение. В первые дни после такой обработки, в туалете было трудно дышать – из-за испарений хлора щипало в носу и слезились глаза, возникали приступы удушливого кашля. Но была одна положительная сторона такого мероприятия – на несколько дней исчезали не только мухи, но и комары, что намного повышало «комфортность» этого важно-необходимого заведения и нивелировало возникавшие неудобства.

Через два-три года мы уже почти не голодали, родители теперь не делили еду по «норме», не резали хлеб по маленькому кусочку, как это было всегда; хотя именно хлеб еще долго оставался нормированным в нашей семье и его часто очень не хватало. Хорошо запомнился первый «сытный» обед, когда родители усадили нас за стол и сказали, что с этого дня мы будем есть столько, сколько захотим. Только при одном условии – кушать не спеша и показали нам две большие кастрюли в которых была сварена каша – в одной перловая, а в другой ячневая. Кроме того, тут же в пол-литровой банке было растительное масло. Это уже был деликатес – раньше мы кашу ели без всяких жиров, только иногда – с рыбьим жиром. Каждому в мисочку положили большие порции каши и сказали, что будет добавка, если кому-то не хватит. Конечно, несмотря на то, что родители уговаривали нас не торопиться, мы все быстро справились с первой порцией. Вторую порцию ели не торопясь, и конечно насытились, но видя, что каша еще осталась – просили и третью порцию. Благоразумные наши родители отправили нас погулять, сказав, что и на ужин тоже будет «всего досыта». На улице нас уже поджидали соседские Колька и Мишка. Пока мы обедали они несколько раз прошли мимо наших окошек и были осведомлены о том, что у нас такой пир. На улице мы задирали свои рубахи и хвастались им своими сытыми животами. Родители, глядя на эту картину из окна, жестаами пригласили ребят в дом и тоже накормили этих всегда голодных наших товарищей.

Продолжение на стр. 6.

Трагические судьбы советских крымских немцев

Продолжение.

Этот первый «сытный» обед врезался в память даже мелкими деталями – как мы сидели за столом, какие были ложки и миски (тарелок у нас тогда еще не было), как добры были к нам родители в этот день. Руководил столом папа, а мама, глядя на нас, то смеялась, то плакала. Да, можно сказать, что мы перестали голодать, но об уровне нашего «благополучия» лучше судить из следующего примера. Как-то к нам зашел наш сосед, дядя Эрнст. Вера тогда была еще совсем маленьким белоголовым ребенком – таким забавным курносым пупсиком. Дядя Эрнст взял ее на руки, поиграл, посадил на свою широкую ладонь и спросил, не хочется ли ей чего-нибудь вкусненького. И она сказала: «Хочу молочка и булочки». Не конфетку, не шоколадку – молочка и булочки! Вождь денная мечта голодного ребенка, эталон счастья – молочко и булочка. Белый хлеб, а тем более булочка, тогда для нас были редким лакомством. Булочку могли купить имениннику на день рождения; к булочке покупалось и молоко. Это было настоящим праздником – перепадало в такой день «вкусненькое» и другим членам семьи. Свое молоко у нас появилось намного позже, когда наше хозяйство уже пополнилось козами (а коз еще нужно было купить и вырастить). К этому времени у нас был свой огород около дома.

Посажена была в основном картошка – главный продукт питания семьи – она нам заменяла порой и хлеб и все остальные продукты, когда в доме не оставалось ни копейки денег не только на хлеб, но и на соль и даже на спички (на первых порах такие дни выпадали ежемесячно перед зарплатой отца). Это были первые школьные годы – длинные годы полуголодного детства. Поэтому картошки старались высаживать как можно больше – она все же спасала нас от голода в самое трудное время. Позднее у нас появились понемногу и другие овощи – свекла, морковь и лук. В последующие годы мы обычно еще выращивали на одной-двух грядках различные «питательные травки» – укроп, петрушку, салат. Уже намного позже у нас постоянно была еще небольшая клубничная грядка и, если выдавалось теплое лето, вырастала крупная, ароматная ягода. В первые два-три года земля была довольно плодородна – за годы существования телятников она была хорошо удобрена навозом. Все, что в эту землю высаживалось, всходило и росло, как на дрожжах. Это было великое благо для всего нашего поселения – в то время никаких удобрений у нас еще не было; только с появлением подсобных хозяйств, появились и удобрения. Были и трудности при работе на этой земле – здесь было обилие битого стекла и кирпича, ржавых гвоздей и всякого прочего хлама, который всегда остается при любой разрухе. Когда мы подросли, огород наш стал мал, картошки не всегда хватало на длинную северную зиму. Пришлось разрабатывать новый участок довольно далеко от дома, за карьерами. Мы его так и называли – «дальний огород». Земля там была малоприспособной для огородничества – бурый песок пополам с галькой. Много было пролито пота на этом огороде, пока земля не освободилась от избытка кам-

ней (при каждой перекопке выносили крупную гальку ведрами) и не сдобрилась обильно вносимым навозом ежегодно. Этот кусочек земли мы буквально подняли своими руками – в течение лета неоднократно взрыхляли его, убирали сорняки и камни, удобряли навозом и перегноем, всячески обихаживали и ласкали. Семенной картошки часто было в обрез, поэтому при посадке ее разрезали на несколько долей – обычно пополам или на три-четыре части, в зависимости от величины клубня. Здесь важно чтобы на каждой из этих частей оставались «глазки», иначе не будет ростка и картошка такая не прорастет, погибнет в земле. Позже, когда мы уже немного встали на ноги, на посадку родители покупали «сортовую» картошку. И были годы, когда на нашем «дальнем огороде» вырастала крупная с великолепными вкусовыми качествами картошка, которая хорошо хранилась в нашем подполье и никогда не чернела при варке. Ухаживали за всходами основательно – окучивали за лето не менее трех раз, в сухое лето иногда и поливали из ковша каждый картофельный куст. После сбора урожая земля обязательно еще раз перекапывалась под зиму. Около дома земля уже через пару лет была чистой, лишь изредка при перекопке попадался камень, обломок кирпича или ржавый гвоздь.

Работа на земле только в начале выполнялась всей семьей, а позже, когда мы с братом уже подросли – это целиком было нашей заботой, родители давали нам задание, мы его должны были выполнить, а они контролировали. Свободного времени у нас было немного – «делу время, потехе – час» – эта пословица в нашей семье была воплощена в повседневную жизнь. Порой, выполнить все задания было нелегко, иногда нас заставляли и переделывать – никакая небрежность, халатность не допускалась. Нас родители никогда не наказывали физически, но наказания были строгими и «по заслугам»; главное – они никогда не отменялись. За свои «грехи» мы обычно лишались удовольствия сходить на рыбалку, в лес или на карьеры купаться. Такие меры довольно скоро приучили нас делать все добросовестно и сразу, не откладывая на завтра. Поощряли в основном тем же – отпускали пораньше погулять; никаких других вознаграждений мы и не ждали. Просто это были наши «святыне» обязанности и мы их, как все члены семьи должны были выполнять. Конечно, в самом начале, пока я был мал, больше такой работой занимался старший брат Юра; позже мы впрягались с братом почти на равных. Правда, он всегда опекал меня и если я отставал, – не только подбадривал словом, но и брал часть моей работы на себя. Веру редко привлекали к тяжелой работе на земле. Нам с братом не однократно говорили: «Помните, что она девочка, ей нельзя заниматься такой тяжелой работой». Мы это понимали и не роптали, всегда с любовью относились к своей сестре. Впрочем, у нее были свои постоянные обязанности – мытье посуды, уборка квартиры, а позже, когда мы обзавелись животными – уход за козами, курами, кроликами. Первая живность – куры в количестве около десяти штук во главе с петухом – появилась у нас, видимо, уже в пер-

На сборе мерзлой картошки.

вый год нашей жизни на новом месте. В теплое время года они жили в стайке в том самом «отремонтированном» сарае, а на период зимних холодов им отгораживали на нашей кухне целый угол – деревянными рейками делали что-то вроде клетки – курятник. Одна стенка этого сооружения была съемной – при уборке она легко выдвигалась. Пол в курятнике посыпался сухими опилками. Внутри ставили длинный лоток-кормушку, миску с водой; на всю длину курятника был сделан и насест. Таким образом года два мы спасали своих кур от суровых морозов. Конечно, это было неудобно – был запах, требовалось делать ежедневную тщательную уборку, но неудобства эти и труды курочки наши щедро оплачивали – у нас, хоть и не в изобилии, но круглогодично были свои куриные яйца. Когда поголовье кур увеличилось до двух десятков, жили они постоянно в сарае. К этому времени стайку расширили, стены и двери утеплили и даже провели туда электричество. Но зимой мы куриных яиц уже не имели; правда, к пасхальным дням, обычно они все же появлялись. Красили их у нас в отваре луковой шелухи – получалось красиво и совершенно безвредно.

Потом обзавелись козами – вначале купили одну молодую козочку, а через год был приплод и потом, долгие годы у нас постоянно было две козы. Звали их Зорька и Белка; в какой то год была и Ветка. А когда держали козла – всегда это был Борька. Это было большим подспорьем при скромной зарплате отца. Мама к тому времени уже не работала – пережитое военное лихолетье окончательно подорвало ее здоровье. После кратковременного обследования, врачи подтвердили у нее тяжелую степень сердечной недостаточности и определили вторую группу инвалидности. Поэтому ей вполне хватало хлопот и по дому – одна только ручная стирка на всю семью отнимала много времени и сил. Стиральных машин тогда и в помине не было; да если бы они и были – нам такая роскошь была не по карману.

А когда папа купил пару кроликов, у нас уже было полноценное подсобное хозяйство. Кролики очень плодовиты – года через два у нас было не менее пятидесяти крупных экземпляров.

Кроме мяса, они давали еще деньги. В первые годы были разномастные – серые, черные, белые; позже держали только белую масть – их шкурки ценились дороже других. Содержали кроликов «по науке» – папа постоянно что-то читал по кролиководству, экспериментировал с их разведением, правильным и полноценным кормлением. Это давало хороший результат – кролики у нас были крупными, всегда здоровыми – не припомню случая падежа среди них, а численность их иногда доходила до сотни. Содержать такое хозяйство было довольно хлопотно – все лето мы с братом были на заготовке кормов для нашего подсобного хозяйства; подключалась к этой работе, конечно, и сестра Вера, а когда Юра ушел в армию – мы с сестрой были основными заготовщиками кормов. Летом нужно было ежедневно косить траву для кроликов – эта работа не прекращалась никогда – и в дождь и в жару мы таскали траву большими корзинами, привозили на тележке, носили просто вязанками на веревках. Одновременно, все лето велась заготовка кормов для коз и кроликов на зиму. Для коз больше заготавливали веники, а для кроликов – сено. И того и другого нужно было много. На каждый день нам давалось задание – сколько принести веников, сколько травы. Работа эта была тяжелой, изнурительной. Выполнить задание порой было не легко, но мы очень старались. Для нас были сделаны специальные косы – не больших размеров; ими заготавливали траву было удобнее и быстрее, чем серпами. Юра виртуозно владел косой; мы с сестрой тоже научились сносно косить. Веники заготавливали с июня по сентябрь – обычно это делали мы с Юрой, но в первые годы, пока мы были малы, папа всегда ходил с нами в лес. Он научил нас бережно относиться ко всему живому, в том числе и к растениям – никогда не позволял ломать деревья, срезать верхушки, а тем более рубить топором. С каждого кустика или деревца срезались только боковые ветви, и через год-другой это растение полностью восстанавливалось, и даже становилось еще пышнее – тогда снова можно было срезать очередную порцию ветвей. Для этой работы у каждого из нас были свои, очень удобные ножи, сделан-

ные руками отца. Брали все подряд – березу, осину, иву, рябину; исключали только ольху – ее животные ели очень не охотно, а, кроме того, листья ольхи при высыхании становятся совершенно черными и ломкими и при хранении быстро осыпаются. Любимым же кормом коз была рябина и осина. Сушили веники на чердаке или где-либо под навесом без доступа солнца – связывали их попарно и развешивали на жердях. При такой сушке они никогда не желтели, всегда оставались зелеными. Хранили веники тоже в сарае, укладывая их рыхло, чтобы не осыпались листья, высокими штабелями – от пола до потолка.

Хозяйства наших соседей развивались примерно такими же темпами – также высаживалось максимальное количество картошки; в сараях появились куры, козы, кролики и так же они трудились в поте лица – вставали до зари и ложились за полночь. Впрочем, постоянно коз держали только мы; соседи наши – Гринвальды и Эпп – обзавелись коровами. Коровы были и у большинства старожилов Бора, где проживала еще одна немецкая семья – Ротманы.

Они поселились здесь еще до нашего приезда и, в отличие от нас, имели хоть и небольшой, но свой дом; была у них и корова. Глава семьи – Эдуард Иванович – был ветеринарным врачом. О его трудармейской судьбе мне почти ничего не известно. Знаю только, что он вместе с семьей был выслан из Поволжья в Казахстан по указу от 28 августа 1941 года, а в начале 1942 года попал в трудармию и оказался на севере. В начале «отбывал повинность» где-то на лесозаготовках в Архангельской области, а вот имел ли он отношение к строительству железнодорожного моста через Северную Двину, сказать не могу. Семья их, по меркам послевоенного времени, была довольно большая. Кроме главы семьи и его жены Елены Христиановны с ними жила еще бабушка – мать Эдуарда Ивановича, а так же четыре дочери. Трое из них были родными – Шура, Эля, Зина (полные их имена – Алиция, Элеонора и Зинаида), а четвертая – Лиля (Лилия) – была приемной. Эта девочка была самой младшей в семье. Ее отец Карл – был братом Эдуарда Ивановича. Находясь в трудармии, он был осужден на длительный срок за какое-то «преступление» и отбывал наказание где-то в Сибири или Казахстане. Вскоре там же в ссылке умерла его жена и Лиля осиротела. Вот тогда ее и приютили Ротманы.

К тому времени, когда я пошел в первый класс, эти девочки были уже подростками, поэтому с ними мы почти не общались. Да и семья их жила как-то закрыто – Эдуард Иванович был суровым человеком, всю семью держал в строгости. Поддерживая высокие нравственные устои семьи, он видимо где-то «перегибал палку» – дочери очень редко выходили из дому. Мне они запомнились красивыми и всегда очень опрятными девочками. Сам хозяин, несмотря на повышенный диктат в семье, слыл в нашем поселении довольно отзывчивым человеком – если у кого-то болела скотина, он всегда приходил на помощь. Осенью, при забое скота, его тоже обычно приглашали на разделку туш. Он это делал мастерски-быстро, много шутил – говорил, что эта работа для него праздник, и он рад, что не забывают его приглашать каждый раз на это осеннее торжество. Schlachtfest (праздник забоя скота).

От него я впервые услышал название этого праздника.

Одевался он для такой работы в комбинезон с длинным фартуком; за поясом фартука всегда была заткнута чистая тряпка – протирать испачкавшиеся ножи. Ножей у него было несколько – он их менял по мере того, как переходил от одной операции к другой – шкуру снимал одним, другим разделял тушу, третьим работал, расчленяя суставы и т.д. У нас коровы никогда не было; родители считали, что козье молоко полезнее. На нем мы и выросли. Когда я впервые попробовал коровье молоко, оно мне показалось разбавленным водой – так оно по жирности отличалось от козьего. Рассказывая о нашем хозяйстве нельзя не упомянуть еще об одном «члене нашей семьи» – о кошке Мурке, которая жила у нас долгие годы. Из всей живности появилась она у нас, может быть первой – помнится, как внимательно следила она за передвижениями кур, будучи еще котенком, как молниеносно нападала на них, выскочив из-за какого-нибудь угла. За это ей попадало от мамы, и вскоре она поняла, что такое баловство наказуемо.

Постепенно она совершенно не стала обращать внимания на кур, хотя всегда была страстной охотницей. Кто-то из соседей, старожилов Бора, подарили нам кошечку-подростка – возможно это были Бурдаевы, которые жили в своем маленьком деревенском домике, стоявшем ближе всех к нашему бараку, и с которыми мы быстро подружились, потому что в их семье была дочка Тамара и сын Коля. Тамара была сверстницей нашей Веры, часто бывала у нас, а Коля – совсем маленький – годовалый ребенок. Мы вместе росли, учились в одной школе, а повзрослев не утратили с ними связей – на всю жизнь остались они нашими друзьями детства. Встречаемся изредка и сейчас, несмотря на расстояния, разделяющие нас и преклонный возраст. Родители не с восторгом приняли такой «подарок», но довольно быстро это очаровательное существо завоевало доверие взрослых своим «правильным» поведением – с первых дней она просилась на улицу и дома не пачкала, знала свое место вблизи печки и никогда не лезла в постель без приглашения. Для нас, детей, она сразу стала самой лучшей подружкой, готовой без устали играть с каждым. Была она черной масти с белым пятном – «воротничком» на передней поверхности шеи. Когда она подросла, в нашем доме исчезли мыши – она их постоянно вылавливала, просяживая иногда долгими часами у мышиной норки. Не редко ее просили соседи «на ночь», если им докучали мыши или крысы. И она с честью выполняла свою миссию, приобретая заслуженный авторитет. Близость леса позволила ей стать еще и хорошим охотником на птиц. Иногда она ходила в лес на охоту одна, но чаще увязывалась за нами и бежала по пятам, как собачка, а если отставала – «плакала» – жалобно и громко мяукала. Жалея ее – по высокой мокрой траве не легко бежать маленькому животному – кто-нибудь из нас брал ее на свои плечи.

Это она очень любила – вцепится своими острыми коготками в куртку или ватник, плотно прижмется к плечам и шее и ни одна ветка в лесу не сдвинет ее с этой позиции. Когда появился достаточный опыт такой езды, Мурка наша, почуяв сборы в лес, загодя старалась выскочить во двор и там, взгромоздясь на забор у калитки,

ожидала, когда мы будем проходить мимо нее. Не нужно даже было останавливаться – она лихо вскакивала на плечи и уже через минуту сливалась с телом того, кто ей подставил плечо. Часто в благодарность своему благодетелю она умиротворенно напевала – мурлыкала прямо в ухо. Большая умница была. Однажды осенью она принесла из леса и положила у крыльца нашего дома – как подарок – крупную птицу, весом едва ли не больше ее самой. Это был упитанный рябчик. На крыльцо затащить такую тяжесть не смогла – обессиленная, она улеглась на траву тут же рядом с добычей. Теперь несколько слов о наших новых соседях. Они стали появляться уже через два-три года после нашего приезда на Бор. Часть того пустыря, на котором когда-то было подсобное хозяйство, оставалась свободной – это место было еще ближе к карьерам и совсем рядом с дорогой, ушедшей в лес.

Почти одновременно здесь начали строить два дома. Сначала завезли сосновые и еловые бревна – длинные и почти одинаковые в диаметре в комле и у вершины; затем их отесали и просушили. Вспоминая об этом, я и сейчас ощущаю пряный запах влажной древесной коры. Срубы мастерил глухонемой плотник, приглашенный специально для этой работы из какой-то дальней деревни. Это был мужчина средних лет, настоящий мастер своего дела. Топором он владел виртуозно. Интересно было наблюдать за ним, когда он, сидя верхом на бревне, вырубал паз – канавку по длине всего бревна. Безо всякой разметки канавка получалась идеально ровной, и щепка была не мелкой, а в виде длинных ершистых лент. Иногда мы ему помогали точить топор – крутили за ручку точило, а он прижимал к точильному камню лезвие топора то с одной, то с другой стороны и потом проверял надежность заточки пальцем. После такой работы он обычно присаживался на бревно, скручивал из газетной бумаги махорочную папиросу и не торопиво раскуривал ее, а нам широким жестом предлагал забирать щепу. Эта щепка, со свежестью ядреной древесной плоти, была слегка приправлена дымком цигарок мастера. Пахучая, смолистая – она была хорошей растопкой для домашней печки. В течение лета он успевал сделать сруб, подвести его под крышу и закрыть фронтоны. Таким образом за два летних сезона рядом с нашим баракком появилось два «настоящих» дома. Заселялись они почти одновременно. Наше маленькое компактное поселение встретило русских «чужаков» если не враждебно, то очень настороженно. Натерпевшись унижений за годы войны, и обретя относительный покой здесь, где все были связаны одной судьбой, наши родители опасались, что покой этот может очень скоро закончиться – начнутся всякого рода козни, оскорбления, клочки и т.п. Больше других этого боялась наша мама, которая, образно говоря, «незаконно терпела за нацию». Все опасения рассеялись при первых же контактах с новоселами. Они относились к нам, как к равным. Если в школе мы еще не редко получали оскорбления типа «фриц» или «фашист», то по месту жительства от своих новых соседей мы никогда не слышали подобных унижительных кличек. Можно сказать, что с новыми соседями нам очень повезло. Семья Елезовых переселилась к нам из какой-то деревни Вилегодского района. Кроме двух взрослых, была еще годовалая девочка Нина и бабуш-

ка. Потом, через год или два, у них появилась вторая дочь Надежда, а еще позже – младший брат Николай. Дом их был построен рядом с нашим баракком – дети подрастали на наших глазах. Вторая семья – Тереховы – переселились в новый дом от родителей, которые жили в своем деревенском домике на высоком берегу Северной Двины. От их родительского дома было хорошо виден тот самый мост через реку, который построили трудармейцы. Это была молодая семья. Глава семьи дядя Коля, типичный русоволосый северянин с открытым русским лицом, среднего роста. Был он из сорта тех людей, которые при первом же контакте располагают к себе доброй улыбкой, выражением лица, блеском говорящих глаз. Истинный воин, не единожды видевший гибель своих друзей-однополчан, он не любил рассказывать о войне. Только два раза, будучи с нами в лесу за ягодами, ему пришлось уступить нашим просьбам и рассказать, что во время боя получил ранение ноги – стопа его была на вылет прошита пулей. Лечился в прифронтовом госпитале не более месяца, а когда вернулся в свою часть, из его взвода в живых уже никого не застал. За четыре года войны таких эпизодов с полной потерей своих однополчан было несколько. О каких-либо подвигах дядя Коля никогда не рассказывал, но боевых наград у него было немало. Ему были тяжелы фронтовые воспоминания. Его жена, тетя Лиза – была под стать ему – молодая, стройная, жизнерадостная женщина с тонкими чертами лица, хорошо начитанная, с высоким уровнем врожденного интеллекта. Оба они были наделены чувством юмора и замечательно дополняли друг друга. У них был один ребенок – белоголовый мальчик дошкольного возраста. Звали его Шурик. Второй мальчик – Володя появился уже на Бору, а следом за ним родилась дочка Надя. С этой семьей мы тоже быстро познакомились и подружились. Тетя Лиза частенько заходила к нам за книгами и сама иногда приносила что-нибудь интересное почитать. У нас тогда было модно на праздники и дни рождения дарить книги – двести книжки, подписанные рукой тети Лизы, сохраняются у меня и сейчас. Это было самое близкое наше окружение. У Тереховых была прекрасная рубленая русская баня. Она была сооружена тем же глухонемым плотником из хорошей древесины и очень добротно. Поставлена банька была на достаточном удалении от их дома, у самой опушки леса. Наша семья постоянно пользовалась этой баней. Была она всегда чистой и довольно просторная – три-четыре человека могли мыться одновременно. Топили баню только сухими дровами, чаще из лиственных пород – березовыми, ольховыми или осиновыми – они придавали особый банный «дух» – приятный аромат в жарко натопленной бане.

Дрова из хвойных пород, хоть и давали хороший жар, но к банному аромату уже подмешивалась неприятная «горчинка». Истинные любители русской бани хорошо понимают такие тонкости. Специально для бани наш папа готовил березовые веники – удобные, без листьев рукоятки и пышные, широкие, как пахлаха сами веники. Для отца, прожившего основную часть жизни на севере, поход в баню всегда был праздником – он понимал тонкости банного «искусства» и был знатным парильщиком.

Продолжение на стр 8.

Трагические судьбы советских крымских немцев

Продолжение.

И мы с раннего детства пристрастились к еженедельным банным процедурам с березовым веником – пристрастие это осталось на всю жизнь. Что касается других ссыльных немцев – они жили повсюду; большей частью на окраинах города и в котласском районе – на Мостозаводе, Болтинке, в упоминаемом здесь уже поселке Лименда, лесобиржах Хвостик, Головка, Макариха, в нескольких лесопунктах; были, конечно, они и в самом Котласе, но не так много, как на его окраинах. Километрах в шести от нашего поселения был довольно большой деревообрабатывающий комбинат. Его строили в первые послевоенные годы на высоком правом берегу Северной Двины прямо в лесу. Одновременно создавался небольшой поселок из одноэтажных деревянных общежитий и домов на одну, две и три семьи. Материал для этих строений – брус, доски, оконные и дверные блоки изготовляли в цехах этого же комбината. Во времена Хрущева, когда в стране осваивались целинные и залежные земли, этот комбинат в большом количестве поставлял стандартные одноэтажные дома для новоселов-целинников. Днем и ночью прямо на территории предприятия упаковывались и грузились в вагоны все составляющие этих домов и целыми эшелонами отправлялись новоселам в Казахстан. В это время комбинат назывался – завод стандартного домостроения или просто – «Стандардом», а позже – ДОК (деревообрабатывающий комбинат). Среди первых поселенцев этого поселка было много немцев. Позже, когда поселок стал разрастаться, население сильно «разбавилось» русскими, среди которых также было много ссыльных и отбывших разные сроки наказания в основном по 58-й статье; не припомню, чтобы среди них были уголовники. Были и местные жители – из окрестных деревень. В доармейский период работы на комбинате, мне пришлось близко общаться с этими людьми. Только в нашем механическом цехе работало более десяти немцев; в других цехах их было не меньше. Хорошо запомнились инструментальщик Эрвин Кох, слесари – Андрей Баумгертнер, Петр Шнайдер, Иван Гаммершмидт, братья – Петр Этлер и Иван Этлер, Василий Мертенс, механик Леонид Копп, токарь Андрей Бопп, водители Володя Фишер, братья Эппельбаум, зам начальника цеха Эвальд Кляйн, кладовщик Генрих Рапп, работник профкома Альфонс Шельгорн и многие, многие другие. С некоторыми из них мне повезло общаться довольно долго. Это был конец пятидесятых годов и многие из них еще не оправались от того кошмара, который царил в трудармии в годы войны, да и в послевоенный период комендантского режима. Эти мужчины были еще под гнетом пережитого страха, преследований, чудовищных унижений, этой утонченной жестокости – пыток организованным голодом и замораживанием. Они были надломлены в своем мужском бесстрашии и человеческом достоинстве. Вспоминаю теперь о них с осо-

бой теплотой – большинство из них в самые тяжелые годы были рядом с моим отцом и всегда, в разговорах со мной, отзывались о нем с большим уважением. В период работы фельдшером, он многим из них помог выжить. По молодости, я мало придавал значения общению с этими людьми – в памяти остались только обрывки этих бесед. Пытливо, с юношеским интересом воспринимались только какие-то особо «острые» темы – о гибели родных и близких, о массовых захоронениях в общих могилах-ямах, о скудных пайках хлеба и жидкой «баланде», о лютых морозах зимой 1942 года, когда строили мост через Северную Двину и т.п. А вот теперь, сквозь призму времени свидетельства этих людей, да и судьба каждого из них мне представляются особенно рельефно. Наиболее памятны рассказы Андрея Баумгертнера, уроженца Баку, типичного темпераментного южанина, даже внешне похожего на азербайджанца с его «южным загаром» и горбинкой на носу. Он один из тех, кто был на строительстве моста с первых дней на самой тяжелой работе и только по случайности остался жив. Когда соорудили основания моста, он был на бетонных работах – тачками их бригада с берега подвозила по льду реки жидкий бетон и заливала его в кессоны. Подвозить нужно было быстро, чтобы бетонный раствор не успел замерзнуть. Нормы выработки были непосильны. Голодные, плохо одетые люди, при сорока градусных морозах, работали по 12 часов в смену. Большинство такую нагрузку выдерживали не долго – умирали ежедневно по несколько человек, иногда до десяти и более. Из их бригады в живых остался только он один. Когда совсем ослаб, дошел до полного изнеможения, его перевели в специальный барак. Эти бараки были для безнадежных доходяг, а назывались они ОПП – «оздоровительно-профилактическими пунктами»; в лагерном лексиконе это были «райские ворота», то есть – ворота на тот свет. Нормы питания в этих ОПП были крайне скудными – 600 г хлеба в сутки и та же «баланда» – суп, в котором кроме воды, содержалось два-три кусочка турнепса или столько же рыбьих косточек. Этот «смертный» паек и довершал судьбу обреченного. Андрею «повезло» – он обморозил обе ноги еще до перевода в ОПП и каким-то чудом сумел добраться до лазарета, где в это время уже работал наш отец. Эта встреча, со слов А. Баумгертнера, спасла ему жизнь – его оставили в лазарете. «Там я подкормился и немного окреп, ветром меня уже не качало» – образно жестикулируя руками, рассказывал он. Через месяц его опять направили на строительство моста, но по ходатайству врача определили «на легкую работу» и он попал в похоронную команду. Об этом стоит рассказать подробно, но – в своем месте – когда буду говорить о трудармейской судьбе отца.

Может показаться странным, но это ссыльное место, как бы невзначай на вид оно ни было – этот суровый лесной край, где прошло наше нелегкое детство с годами не забывается, как не забывается первая

любовь. Повзрослев и вылетев из родительского гнезда, мы вспоминаем его не столько с болью, сколько с тем чувством, которое всегда связано с понятием «малая родина». Безусловно, это заслуга родителей. При всем ужасающем положении нашей семьи, при крайней нищете и полном бесправи, родители наши умели ответить на многочисленные вопросы так, чтобы мы не испытывали тяжелых обид, ожесточающих детские сердца.

Всегда терпеливо они выслушивали нас и в разъяснениях своих исподволь подводили к пониманию сложной проблем. Все могло быть и по-другому. Ведь это было время, когда в окружающем нас мире, кроме проблем нашего поселения, было много горя, жестокости, тяжелейших обид; приходилось видеть голосащих над похоронками женщин (даже после войны), жалких калек-фронтовиков, голодных нищих. Пожалуй наиболее яркий пример унижения я получил в раннем школьном возрасте, когда вместе с отцом ходил к коменданту НКВД за разрешением (увольнительной) для поездки в Котлас. Наше поселение было расположено приблизительно в пятнадцати километрах от центра города Котласа, если ехать железнодорожным транспортом. Шоссейной дороги тогда от нас еще не было, поэтому вначале шли пешком до ближайшей железнодорожной станции по грунтовой дороге (около трех километров), а дальше – в вагоне поезда до станции Котлас. Это было уже за пределами района расселения, обслуживаемого «нашей» спецкомендатурой и самовольная отлучка рассматривалась, как побег и каралась в уголовном порядке. Для такого путешествия отцу нужно было явиться к коменданту, зарегистрироваться (делалась запись в журнале с указанием времени, разрешенной отлучки с места спецпоселения), выслушать инструктаж, расписаться в журнале и уже после этого получить бумажку с НКВД-ешной печатью – увольнительную. Было это в конце лета – перед школой мне нужно было купить ботинки и отец решил ехать со мной на «толкучку», где с рук можно было купить поношенную обувь, пригодную использовать еще какое то время и не очень дорого (можно было «торговаться» – отец умел это делать). С утра пораньше – к началу работы комендатуры – мы с отцом подошли к небольшому одноэтажному зданию.

Низкое крыльцо, но с перилами, над входными дверями прибитая рамка в которой крупными буквами напечатано «КОМЕНДАТУРА», а ниже, шрифтом помельче – «часы приема». Мы пришли во время. Отец постучал в дверь и вошел в помещение; мне велел ждать на крыльце. Через несколько минут папа вернулся – мне тоже разрешили войти. Я впервые увидел так близко человека в форме НКВД. Конечно, раньше на улице приходилось их видеть неоднократно, но как-то мимоходом, издали. А тут рядом – лицом к лицу. Это был мужчина средних лет, явно моложе нашего отца, кажется в звании старшего лейтенанта или капи-

тана. Он сидел за столом, на котором были какие то папки, стопки бумаг; на середине стола стоял графин с водой и граненый стакан. На левом краю стола лежала форменная фуражка, а с права от него – телефонный аппарат черного цвета. За его спиной на стене – большой портрет Сталина, а в углу этого помещения был довольно высокий металлический шкаф. Позже, со слов отца, я узнал, что это не простой шкаф, а сейф с документами спецпереселенцев. Но больше всего мне запомнилось его лицо – полное, с двойным подбородком, коротко остриженная голова, заключенная в тугую воротник, белые ресницы и брови, совершенно прозрачные (бесцветные), чуть на выкате глаза. Надменное выражение, видимо, должно было указывать на важность его персоны. Тон его разговора с отцом – начальственно-уверенный, хамоватый оставил в моей детской душе навсегда неприятный осадок, перешедший позже в стойкую неприязнь, отвращение к людям в этой форме. Особенно поразило меня обилие изощренного мата в каждой его фразе.

Суть разговора состояла в том, что отец просил увольнительную до вечера, а комендант настаивал на двух-трех часах. «Ты же не на свадьбу едешь, мать-перемать – дел у тебя там на полчаса, а просишь отпустить на целый день. На б...глазеть! Нечего болтаться, не положено!». Отец униженно просил, называл его по имени отчеству, говорил, что вернется вовремя, что не было случая, чтобы он его подводил и проч. Наконец, комендант уступил, перешел на приторно-вежливый снисходительный тон. Подписал бумажку, шлепнул печать и протянул руку к отцу. «На, бери, пользуйся моей слабостью ...мать, смотри не забудь отметить, как приедешь; да гляди там в оба – пацана в городе не оставь ...твою мать!». Когда мы уже уходили, он встал, надел свою фуражку и я, обернувшись назад, еще раз увидел его узколобое, тупо-твердое, солдафонское лицо. Его страшный образ основательно поселился в детском моем воображении, и тягостное его присутствие не расстается со мной до сих пор. История эта имела свое продолжение. Прошли годы, я повзрослел, отслужил три года в армии, поступил в ВУЗ. Но отвратительная эта сцена с унижением отца, эта мерзкая физиономия коменданта, его сочная матерщина периодически всплывали в моей памяти, вызывая бурю негативных эмоций, которые с годами копились, множились и не имели никакого выхода. Летние каникулы я проводил обычно дома у родителей, зарабатывая себе деньги (на обувь и одежду) на том же ДОКе. Родители к этому времени переехали с прежнего места жительства в крохотную однокомнатную квартиру, которую отец с большим трудом «выхлопотал» выходя на пенсию. Приехав очередной раз к родителям, я с отцом, прихватив свежие березовые веники, отправился в новую заводскую баню, со слов отца, «чистую и с приличной парилкой».

Продолжение в следующем номере.